

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ЧИНГИЗИДЫ

Внешнеполитическая деятельность Александра Невского, которая пришлась на один из тяжелейших для Древнерусского государства периодов истории, неоднократно привлекала внимание исследователей. Решительность и неординарность поступков великого князя в отношениях с Европой и Азией снискали ему славу вдумчивого политика и дальновидного стратега. Его твердая линия по защите русских территорий от шведской и немецкой агрессии, победы на западных границах с энтузиазмом были восприняты современниками и по заслугам оценены российскими историками прошлого и настоящего.

Однако далеко не все внешнеполитические инициативы Александра Ярославича получили в историографии единодушно положительные оценки. Не однозначно восприятие отношений великого князя с монгольскими завоевателями. Высказываемые по этому вопросу мнения носят подчас диаметрально противоположный характер. Ряд исследователей считают, что князь вынужден был смириться и подчиниться сложившимся неблагоприятным обстоятельствам¹. Другие подчеркивают, что Александр осознанно и целенаправленно пошел на союз с Золотой Ордой и использовал его в своих целях. В разработке этой точки зрения дальше всех пошел Л.Н. Гумилев, доказывавший существование прямого политического и военного союза между Русью и Золотой Ордой².

Последняя публикация об Александре Невском принадлежит В.А. Кучкину, давшему сжатый очерк жизненного пути князя, в котором уделено особое внимание некоторым спорным вопросам его биографии³. Правда, отдельные суждения автора, особенно касающиеся Золотой Орды, вызывают недоумение. В частности, его утверждение о получении сарайскими ханами военной помощи из метрополии не подтверждается источниками. Каракорум присылал в улус Джучи лишь чиновников фискального ведомства ("численников") для соблюдения своих финансовых интересов. Приезды их носили характер инспекции, призванной определить долю Каракорума в дани, получаемой с Руси. Постоянные же властные функции на территории русских княжеств исполняли исключительно золотоордынские чиновники. В связи с этим трудно согласиться с В.А. Кучкиным в том, что в Сарае "смотрели сквозь пальцы" на антимонгольские призывы русских князей. Автор статьи почему-то именуется улус Джучи (Золотую Орду) Волжской Ордой, хотя наименование это появилось лишь в XV в., уже после распада основанного Бату государства.

Проблема отношений Александра Невского с государством Чингизидов не может рассматриваться лишь в контексте изучения личности великого князя. Она самым непосредственным образом связана с выработкой внешнеполитической линии княжеской власти в новых для Русского государства условиях, сложившихся после монгольского завоевания. Выяснение сути отношений Александра Невского с Чингизидами позволит ответить и на ставший столь острым в последнее время вопрос: "А было ли на Руси монгольское иго?" Уже один только факт вынужденной поездки князя в Центральную Азию, заставившей его на два с лишним года бросить государственные дела, являет собой убедительнейшее свидетельство не просто политической, но чисто феодальной зависимости от монголов, пронизавшей всю структуру русской государственности.

* * *

Золотая Орда как государство возникло в самом конце 1242 г. Уже в начале следующего года хан Бату с присущей ему энергией начал оформлять отношения с русскими князьями. Ярослав Всеволодович как великий князь владимирский вынужден был по вызову приехать в ханскую ставку именно в 1243 г.⁴, дабы пройти достаточно унижительную процедуру получения

* Егоров Вадим Леонидович, доктор исторических наук, заместитель директора Государственного Исторического музея.

ярлыка, подтверждающего его титул. Его сыну, Александру Ярославичу, удавалось в течение четырех с лишним лет (1243–1247) воздерживаться от поездок в Орду. Он мог по формальной причине не ездить на поклон к хану, так как не занимал владимирского стола. Кроме того, монгольские войска в процессе завоевания Руси так и не смогли достичь Новгорода Великого, и жители его считали себя непокоренными. Власть же монголов здесь осуществлялась опосредованно через великого князя владимирского, напрямую новгородцы длительное время не сталкивались с ханскими чиновниками. Это был период подчеркнутого, хотя и молчаливого неприятия ханской власти, все тяготы отношений с которой ложились на плечи великого князя владимирского. Откровенно независимое поведение Александра в ту пору особенно контрастировало с поведением других русских князей, стремившихся из поездок в Орду извлечь для себя максимальную пользу.

Не появляясь в Орде лично, Александр именно в этот период выступает как защитник русских пленных, «посылая к царю в Орду за люди своя, иже пленени быша от безбожных татар. И много злата и сребра издава на пленник их, искоупая от безбожных татар, избавляя их от бед и напасти»⁵. Это летописное сообщение фиксирует одну из важнейших сторон деятельности Александра.

Итак, основу политических взаимоотношений Руси с Золотой Ордой начал закладывать отец Александра, великий князь владимирский Ярослав Всеволодович. Его поездку к хану Бату в 1243 г. можно считать не просто удачной, а серьезным дипломатическим успехом с обнадеживающей перспективой. Такая оценка следует из сообщения летописи, согласно которому золотоордынский хан «почти Ярослава великою честью и отпусти». При этом в самую метрополию, в Монголию, отбыл сын Ярослава, Константин, возвратившийся к отцу также «с честью» в 1245 г.⁶

Однако поездка Константина была расценена имперским правительством как явно не соответствовавшая уровню столь ответственной миссии. Скорее всего, Константин привез отцу жесткий приказ прибыть в Монголию лично. Такое предположение подтверждается летописным сообщением о том, что Ярослав сразу же по прибытии Константина направился к Бату, а оттуда в Каракорум. Дальнейшие события приняли ярко выраженный драматический характер, причем источники не раскрывают причины такого резкого поворота.

В Монголии Ярослав Всеволодович был отравлен регентшей престола Туракиной, вдовой каана Угедая. Можно только строить догадки, чем не угодил ей князь. Летопись сообщает, что он скончался «идя от канович месяца сентября на память святого Григорья»⁷, т.е. осенью 1246 г. Свидетелем печального события стал Плано Карпини, приводящий подробности кончины великого князя после угощения в каанской юрте. Очевидец уточняет русскую летопись, рассказывая, что князь скончался не «идя от канович», а в отведенной ему юрте через семь дней после пира, причем тело его «удивительным образом посинело»⁸.

Тотчас после смерти Ярослава вдова Угедая – мать нового каана Гуюка – направила гонца к Александру Ярославичу с приказом прибыть в Монголию для утверждения в отцовском наследстве⁹. Это приглашение, а вернее, приказ, показывает, что регентша не сомневалась в том, кто унаследует власть отравленного великого князя. Не исключено, что сына по прибытии в Каракорум ждала та же участь, что и отца. Специальные курьеры имперской почты преодолевали расстояние от Каракорума до Владимира примерно за два месяца и, таким образом, Александру послание было вручено в самом конце 1246 г.

Плано Карпини сообщает, что князь выказал открытое неповиновение¹⁰. Он остался в Новгороде, дожидаясь прибытия тела отца, что могло произойти не ранее апреля 1247 г.¹¹ Именно под этим годом Лаврентьевская летопись сообщает о похоронах Ярослава Всеволодовича, состоявшихся во Владимире, на которые прибыл и Александр из Новгорода¹². В Софийской I летописи этот эпизод дополнен важной деталью, раскрывающей характер самого Александра и его отношение к откровенно циничному, хотя и слегка замаскированному, убийству отца. Он появился во Владимире не просто со свитой, приличествующей князю на траурной церемонии, а «в силе тяжце. И бысть грозен приезд его»¹³. Дальнейшее описание этого события в летописи приобретает эпические и даже гиперболические оттенки, перекликаясь с известным рассказом о том, как половчанки пугали своих детей именем киевского князя Владимира. Появление Александра во Владимире во главе значительного военного отряда носило явно демонстративный характер. Подчеркивая это и как бы разъясняя его конкретное значение, летописец добавляет, что слух о таком поведении князя дошел «до устья Волги»¹⁴.

Как долго дружина Александра пробыла во Владимире и куда дальше она направилась, летопись умалчивает. После похорон Александр принял участие в выборах нового великого князя владимирского, которым стал брат отравленного Ярослава, Святослав. Летопись

подчеркивает легитимную преемственность перешедшей к нему верховной власти тем, что он «седе в Володимире на столе отца своего». Племянники его (дети Ярослава) не оспаривали прерогатив старшинства и порядка наследования власти, а разошлись по городам, которые «им отец оурядил»¹⁵.

Однако в процедуре вокняжения на владимирском столе Святослава не была учтена одна тонкость, несоблюдение которой оставляло потенциальному сопернику формальное право бороться за власть. Дело в том, что Святослав после своего избрания по каким-то причинам не поехал в Орду за обязательным ярлыком, подтверждающим столь высокий титул. По крайней мере летопись ничего не сообщает о такой поездке.

Медлительностью или небрежением Святослава к установившемуся протоколу воспользовался его брат, Михаил, по прозвищу Хоробрит, лишив престола законно избранного князя, правившего всего лишь около года¹⁶. Правда, сам узурпатор погиб зимой 1248 г. в войне с Литвой¹⁷. Все эти события имели непосредственное отношение к дальнейшей судьбе владимирского стола, решавшейся летом 1249 г. в Каракоруме.

После избрания Святослава на владимирский стол Александр Ярославич, видимо, все еще размышлял о своей поездке к монголам. Он имел жесткий приказ прибыть в Каракорум и неоднократные приглашения от хана Бату, кочевавшего в прикаспийских степях. Лишь после отъезда в Золотую Орду младшего брата, Андрея, Александр направился в ставку Бату. Отъезд Александра из Владимира, скорее всего, состоялся в мае – июне 1247 г. Таким образом, первая встреча двух достойных и в военном и в политическом искусстве правителей могла состояться в июле – августе 1247 г. где-то на Нижней Волге.

Впечатление, произведенное 26-летним русским витязем на пожилого золотоордынского хана, летописец выразил словами: «Воистину поведаша, яко несть подобна сему князю. И чти его царь многими дары и отпусти с великою честью на Русь»¹⁸. Эта фраза из Софийской I летописи рисует весьма впечатляющую картину встречи двух государственных мужей. Однако в Лаврентьевской летописи дано менее эмоциональное описание этой встречи и не столь светлого финала. Бату, несомненно, не забыл, что Александр в свое время не выполнил приказа прибыть в Каракорум. В этой ситуации хан должен был отправить Александра в Монголию, что он и сделал¹⁹. Когда Андрей, а вслед за ним Александр выехали в дальний путь, точно определить невозможно, однако анализ ситуации, сложившейся в Монгольской империи, позволяет высказать предположения по этому поводу.

Сын Угедея, Гуюк, был объявлен кааном в августе 1246 г.²⁰, а его мать Туракина-хатун, виновная в гибели отца Александра (в сентябре того же года), сама была отравлена через 2–3 месяца после вступления сына на престол²¹. Смерть каанши, казалось бы, позволяла Александру без особых опасений отправиться в Монголию. Однако новый каан Гуюк вступил в резкую конфронтацию с ханом Золотой Орды Бату, приведшую двоюродных братьев – Чингизидов на грань войны. Гуюк во главе значительной армии направился против Бату, однако летом 1248 г. он скоропостижно скончался в окрестностях Самарканда. После его смерти регентшей стала мать Мункэ (Менгу), Огул-Каймиш, тайно помогавшая Бату против Гуюка²². А в 1251 г. кааном стал ее сын, имевший самые дружественные отношения с Бату.

Вполне допустимо предположить, что во время жесткого противостояния между метрополией и Золотой Ордой Александр не мог выехать в Каракорум. Скорее всего, он с братом отправился туда после получения на берегах Волги известия о смерти Гуюка, т.е. в конце лета или осенью 1248 г.

В результате общая хронология первой поездки Александра во владения Чингизидов предстает в следующем виде: выезд из Владимира – в начале лета 1247 г.; пребывание во владениях Бату – до осени 1248 г.; выезд в Каракорум – осенью 1248 г. В конце декабря 1249 г. Александр уже присутствовал на похоронах князя Владимира Константиновича во Владимире²³. В степях Александр с братом пробыли несколько месяцев, что являлось обычным для таких поездок.

Последствия поездки князей были не только чрезвычайно удачными, но и в значительной мере неожиданными. Они прибыли в Каракорум, имея поддержку со стороны хана Золотой Орды. Несомненно, она была результатом не только личного впечатления, произведенного Александром на Бату, но и подкреплена была приличествовавшими дарами и оказанием хану принятых при его дворе почестей. Русские источники скромно об этом умалчивают, как умалчивают они и о впечатлении, произведенном Бату на Александра (это и понятно, ведь хвалить "сыроядца поганого" православному летописцу было трудно, а высказываться о нем резко или даже просто объективно не позволяла ситуация). Нужно учесть также, что князей принимала благожелательно настроенная к хану Бату регентша имперского престола.

Стечение всех этих благоприятных для обоих князей обстоятельств и привело к столь успешному исходу их поездки. Пожалуй, за всю историю русско-ордынских отношений на протяжении XIII–XIV вв. не было более удачного результата, которого добились сразу два князя при минимальных материальных затратах и политических уступках. Александр Ярославич получил в Каракоруме ярлык на великое киевское княжение и владение "всей Русской землей". Его младший брат, Андрей, также получил ярлык, но лишь на великое княжение владимирское, т.е. на территорию Северо-Восточной Руси²⁴. Однако будущее показало, что в этом – оправданном, с точки зрения монгольского династического наследственного права, – разделе сфер власти на территории Древнерусского государства была заложена мина замедленного действия. Чисто формально распределение власти между князьями можно признать справедливым. Старший – более авторитетный и знаменитый – получил верховную власть в общегосударственном масштабе. Младший – унаследовал владимирский домен отца, составляющий часть земель обширного Древнерусского государства. Однако установившаяся на Руси после монгольского нашествия 1237–1240 гг. политическая реальность далеко не соответствовала чисто умозрительным представлениям центральноазиатских правителей.

После возвращения из Монголии князей Александра и Андрея борьба вокруг владимирского стола, казалось бы, должна была прекратиться, поскольку претендент на него был официально утвержден в Каракоруме. На самом же деле она лишь вступила в новую стадию. Права на владимирское княжение мог оспаривать князь Святослав Всеволодович, свергнутый Михаилом Хоробритом. После гибели последнего зимой 1248 г. в течение всего периода, пока Александр и Андрей находились в Орде (т.е. до конца 1249 г.) их дядя, Святослав, оставался единственным реальным исполнителем великокняжеских функций. Приехавший во Владимир Андрей имел ярлык на владимирский стол с печатью каана. Однако Святослав, будучи избранным съездом князей наследником отцовских владений, поехал осенью 1250 г. вместе с сыном в Орду для восстановления своих погрязших прав²⁵. Естественно, хан Бату не мог поддержать его претензий.

Александр Ярославич по возвращении из Монголии через Владимир проследовал в Новгород. Как сообщает В.Н. Татищев, он намеревался затем посетить Киев для подтверждения своих властных полномочий, полученных в Монголии. Однако новгородцы воспротивились такой поездке, как объяснено у В.Н. Татищева, "татар ради"²⁶, т.е. опасаясь потерять надежного защитника от притязаний Орды. В 1251 г. Александр тяжело заболел и не выезжал из Новгорода²⁷. В дальнейших сообщениях источников нет никаких сведений о том, чтобы он еще раз попытался утвердиться в Киеве. Причина этого в первую очередь коренилась в том, что Киев после монгольского нашествия полностью утратил свое бывшее политическое, экономическое и культурное значение. Город лежал в развалинах и едва насчитывал двести домов²⁸. Какое-то время здесь еще находилась резиденция общерусского митрополита, однако и тот в 1300 г., "не терпя татарского насилья, оставя митрополью и збежа ис Киева, и весь Киевъ розбежалъся"²⁹. Кроме того, сообщение с Киевом и галицко-волынскими княжествами фактически было прервано из-за экспансии Литвы и периодических походов золотоордынских войск через южнорусские территории в западном и северном направлениях³⁰. В результате приднепровские и прикарпатские земли на протяжении XIII в. в политическом отношении все более отдалялись от Северо-Восточной Руси.

Коренной перелом в позиции Александра Ярославича произошел в 1252 г. Летописные статьи не позволяют в подробностях уяснить все причины резкого поворота княжеской позиции. Некоторые детали его раскрыты лишь в сочинении В.Н. Татищева, возможно, имевшего в своем распоряжении источники с более пространными текстами³¹. За два года, прошедших после возвращения из Монголии, Александр Ярославич с полной ясностью осознал, что полученный им ярлык на титул великого князя киевского является всего лишь почетным и не дает никакой реальной власти в сложившейся политической ситуации. Определенную роль могло сыграть и честолюбие старшего по рождению брата, обойденного младшим. Если Александр мог воспринимать как должное пребывание на владимирском столе своего дяди, Святослава Всеволодовича³², то назначение на это место князя Андрея явно противоречило устоявшемуся наследственному праву. Конечно, судить о личных отношениях между братьями трудно, но то, что они были очень непростыми, бесспорно.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и того, что поездка Александра Ярославича в Золотую Орду, а затем в Монголию (около 7 тыс. км в одну сторону), наложила глубокий отпечаток на его представления о силе и мощи Монгольской империи, покорившей огромные пространства с многочисленным населением. Князь вернулся из длительного путешествия не просто человеком умудренным и более опытным, но и более жестким правителем, наметившим стратегическую

линию взаимоотношений с монголами на годы вперед. Поездка в Монголию стала рубежом в деятельности князя-воителя: теперь первостепенное место в его политике занимает не война, а дипломатия. С ее помощью Александр Ярославич сумел добиться большего, чем копьем и мечом.

Двухлетнее соправительство братьев привело в 1252 г. к резкой размолвке между ними. Скорее всего, конкретной причиной столкновения стало выяснение их места в иерархии власти. Обладая титулом великого князя киевского, Александр, несомненно, претендовал на верховную власть во всех русских землях, в том числе и в Северо-Восточной Руси, с чем Андрей не мог согласиться: во-первых, великое княжество Владимирское стало фактически автономным еще до монгольского нашествия и, во-вторых, его власть была официально санкционирована в Каракоруме.

Характерно, что в сложившемся противостоянии Александр не прибег к обычной в то время практике междоусобной войны, не пошел на брата собственными силами, хотя и располагал достаточной военной мощью. Вероятно, он рассчитывал на чисто административное решение вопроса ханом Бату. Андрей же в такой ситуации вполне мог не подчиниться сарайскому хану, ибо имел ярлык, подписанный главой всей Монгольской империи.

Александр Ярославич выехал в Сарай зимой или ранней весной 1252 г. с жалобой на брата, которая содержала три основных пункта: 1) Андрей, будучи младшим, несправедливо получил великое княжение; 2) Андрей взял себе отцовские города, которые по праву должны принадлежать страшему брату; 3) Андрей не полностью платит хану "выходы и тамги"³³. Из этих обвинений видно, что личные интересы Александра в жалобе преобладали, и третий пункт выглядит как необходимое добавление, без которого реакция золотоордынского хана могла и не последовать. Фактически эта поездка Александра в Орду стала продолжением печально известных русских междоусобиц, но на этот раз вершимых монгольским оружием. Можно расценивать этот поступок как неожиданный и недостойный великого воина, но он был созвучен эпохе и воспринимался в то время как вполне естественный в феодальной борьбе за власть. Золотая Орда не преминула воспользоваться представившимся случаем и в полном соответствии с кочевническими традициями организовала откровенно грабительский набег.

Крупное воинское соединение во главе с "царевичем" (т.е. Чингизидом) Неврюем и двумя "темниками" появилось под Владимиром в канун "Борисова дня"³⁴. Его действия не ограничились разгромом Переяславля, где пребывал Андрей, а охватили обширную сельскую округу, откуда было уведено в Орду множество пленных и скота³⁵. Судя по контексту летописных статей, описывающих этот эпизод, сам Александр не принимал участия в походе золотоордынских войск, оставаясь в Орде. Он вернулся лишь спустя какое-то время после ухода отряда Неврюя "с честью великою", да еще получив в Орде "старейшенство во всей братии его"³⁶. По прибытии домой с ярлыком на владимирский стол князь направил свою неукротимую энергию на восстановление родного Переяславля, только что пережившего жестокий разгром.

Нужно обратить внимание на то, что, будучи в Орде, Александр общался не с ханом Бату, а с его сыном, Сартаком³⁷. Сам же властелин Золотой Орды в это время находился в Монголии, где участвовал в выборах нового каана Мункэ. Ни одна русская летопись не отмечает каких-либо особых деталей относительно взаимоотношений Александра Ярославича и Сартака, ограничиваясь самыми общими сведениями. Тем не менее Л.Н. Гумилев, основываясь на самом факте встречи русского князя и сына золотоордынского хана, высказал категоричное мнение, что Александр побратался с Сартаком, "вследствие чего стал приемным сыном хана"³⁸. Подобное заключение не имеет никаких подтверждений ни в одном источнике и может рассматриваться лишь как авторская гипотеза. Более того, русский православный князь не мог участвовать в языческом обряде братания, во время которого кровь двух участников ритуала смешивается в чаше с кумысом и затем ими выпивается. Самое большее, что мог позволить себе Александр в ханской ставке, это вручить правителю Золотой Орды и его окружению богатые дары, которые всегда являлись необходимым условием для успеха миссии.

С 1252 г., когда Александр Ярославич добился столь желанного владимирского стола, он больше ни разу не ездил на поклон к Бату или Сартаку³⁹, что само по себе свидетельствует о многом. В первую очередь этим подчеркивается самостоятельная внутренняя политика князя, проводившаяся им без оглядки на Орду. Так же свободно он чувствовал себя во внешнеполитических акциях военного характера, которые проводил своими силами, без какой-либо помощи со стороны сарайских ханов. Утверждения же, будто Русь в то время имела договор о взаимопомощи с Золотой Ордой, опровергается всей дальнейшей деятельностью Александра Ярославича. Нет никаких данных и о том, что поддержка монголов остановила натиск с Запада на русские земли⁴⁰. Все заслуги в этом целиком и полностью принадлежали Александру Невскому. Можно лишь отметить, что западных соседей Руси сдерживали (да и то далеко не всегда)

определенные опасения вторгнуться в сферу интересов Золотой Орды, которую составляли русские княжества.

С 1252 по 1257 г. великий князь владимирский как бы забыл о существовании Золотой Орды, занимаясь исключительно русскими делами и не проявляя никаких признаков низкопоклонства по отношению к грозному соседу. Такое поведение подчеркивает не только твердый характер князя, но и обоснованность политической линии, выбранной им. К тому же период правления Бату для Золотой Орды был единственным, когда основанное им государство не вело никаких войн, что снимало одну из тяжелейших обязанностей Руси перед завоевателями — поставку военных отрядов в действующую армию — и позволяло сохранять силы для успешной борьбы на западных границах. Политику Александра в отношениях с Золотой Ордой оправдывало и то, что Северо-Восточная Русь под его дланью не знала междоусобиц, используя все силы для ликвидации все еще ощутимых последствий трехлетнего монгольского разорения.

О том, что Золотая Орда воспринималась Александром Ярославичем как неизбежное зло, от которого пока не было возможности избавиться, свидетельствует и небольшой эпизод, помещенный в летописи под 1256 г. После смерти хана Бату в 1255 г. сарайский трон занимал его малолетний сын, Улагчи, к которому тотчас направились некоторые русские князья, выражая тем самым свою полную лояльность новому хану. Александр же демонстративно не поехал представляться хану-ребенку, а лишь послал ему дары⁴¹. При этом он не преминул использовать благоприятное стечение обстоятельств (смена правителя Золотой Орды) и обратился к новому хану с просьбой о прощении своего брата Андрея, вернувшегося из вынужденной эмиграции. По данным, приводимым В.Н. Татищевым, просьба была воспринята благосклонно. После этого в 1257 г. Александр Ярославич направился в Орду уже вместе с Андреем, где последний получил полное прощение⁴², и тем самым была устранена старая заноза, омрачавшая отношения между братьями. Случай поистине уникальный в практике русско-ордынских отношений, когда вина русского князя была оставлена без последствий, и свидетельствующий о блестящем дипломатическом даровании великого князя владимирского.

Следующим чрезвычайно серьезным этапом русско-ордынских отношений стало проведение переписи населения для обложения данью. По сути дела, перепись положила начало созданию разветвленной административно-фискальной системы, конкретно олицетворявшей монгольское иго на Руси. Тактика Александра Ярославича во время пребывания монгольских "численников" в русских княжествах строилась на принципах сдерживания обеих сторон от практически неизбежных столкновений. Князь отчетливо понимал, сколь мощной и мобильной армией обладает Золотая Орда, и не испытывал никаких сомнений в том, что для ее использования достаточно самого пустячного повода.

Перепись представляла достаточно трудоемкое мероприятие, растянувшееся на 1257–1258 гг. Первый ее этап прошел на территории Северо-Восточной Руси без каких-либо серьезных инцидентов, а летопись неизбежность этой процедуры оценила хотя и как наказание, но со спокойствием: "грех ради наших"⁴³. Зимой 1258 г. "численники" добрались до Новгорода, население которого до сих пор сталкивалось с проявлением монгольской власти лишь опосредованно, через великого князя владимирского. В результате вольнолюбивые новгородцы не захотели потерпеть у себя дома реального проявления власти Золотой Орды в виде таинственной процедуры переписи всего населения, которая в глазах православных носила явно магический характер. Александру пришлось действовать не только увещеванием, но и более крутыми методами, чтобы сохранить мир как в самом городе, так и с Золотой Ордой⁴⁴.

Окончание переписи населения Северо-Восточной Руси означало установление твердой даннической разверстки с конкретной территории. Исследованием этого вопроса занимался А.Н. Насонов, который пришел к выводу о создании "численниками" особых отрядов, возглавлявшихся монгольскими командирами и составлявших опорную силу баскаков, которые представляли ханскую администрацию на русских землях⁴⁵. Это мнение было основано на единственном летописном сообщении, подводившем итог деятельности "численников": "и ставиша десятники, и сотники, и тысячники, и темники и идоша в Орду; токмо не чтоша игуменов, черньцов, попов, крилошан, кто зрит на святую Богородицу и на владыку"⁴⁶. Предположение А.Н. Насонова о военных отрядах, размещенных на территории русских княжеств, представляется не просто сомнительным, но практически нереальным. Если можно представить (с определенной долей допуска) военные соединения, возглавлявшиеся десятниками и даже сотниками, то формирования, во главе которых стояли бы тысячники и темники (десятитысячники), трудно даже вообразить. Не только содержание и вооружение такой огромной по масштабам XIII в. армии, но одна лишь организация ее представляют целый комплекс серьезнейших проблем. Учитывая этот аргумент, а также опираясь на известные

административно-политические принципы, заложенные в основу Монгольской империи еще Чингисханом, летописное сообщение об итогах работы "численников" можно трактовать иным образом.

Активно действовавший при жизни Чингисхана и его преемнике Угедее первый министр Елюй-Чуцай разработал общеимперские принципы обложения данью покоренных земель⁴⁷. При этом ему пришлось преодолеть сопротивление консервативной части степной аристократии, призывавшей каана к поголовному истреблению покоренного населения и использованию освободившихся после этого пространств для нужд кочевого скотоводства. С помощью цифровых выкладок Елюй-Чуцай доказал во много раз большую выгоду обложения завоеванных народов данью, а не истребление их. В результате был утвержден долевым принцип распределения дани с завоеванных земель, согласно которому общее количество даннических и налоговых поступлений распределялось следующим образом. Строго определенная часть от общей суммы отчислялась в общеимперскую казну и отправлялась в Каракорум. Обоснованием такого решения являлось то, что в завоевательных походах участвовали общеимперские армейские соединения, возглавлявшиеся обычно несколькими Чингизидами. Кампанию 1236–1240 гг. по завоеванию Восточной Европы возглавляли 12 принцев, причем каждый из них привел свои собственные войска, общее руководство которыми осуществлял хан Бату. В соответствии с этим каждый из принцев имел право претендовать на свою долю доходов с завоеванных земель. И, наконец, третьим претендентом на собранную дань выступал глава вновь образованного улуса (т.е. части империи), в который входили завоеванные земли. В данном случае это был хан Бату и его наследники.

Согласно разработкам Елюй-Чуцай, для определения общей суммы дани с покоренных земель и вычисления процентов, причитающихся каждому участнику этого дележа, необходимо было провести полную перепись населения, облагаемого податями. Как следует из материалов русских летописей, центральное монгольское правительство не доверяло осуществление этой процедуры улусным ханам, а присылало для переписи населения своих "численников". Именно эти чиновники в полном соответствии с центральноазиатскими кочевническими традициями подразделяли все данническое население по привычной десятичной системе. Причем счет велся не по душам, а по семейно-хозяйственным единицам. В Центральной Азии такой единицей являлся кочевой аил, а на Руси – двор (усадьба).

Исчисление всего населения по десятичной системе было направлено в первую очередь на чисто практическую организацию сбора дани, ее подсчета, доставки в центры сбора и предварительного определения ожидаемой общей суммы. Таким образом, введение десятичной системы исчисления населения преследовало конкретные фискальные цели, и сообщение о назначении десятников, сотников, тысячников и темников относилось не к созданию специальных военных отрядов, которые, якобы, оставались на покоренной территории, а к утверждению лиц, ответственных за сбор дани с соответствующей группы населения. Сами же эти лица (десятники и т.д.) назначались из среды русского населения. Конечный пункт сбора всей дани мог находиться только в ведении "великого владимирского баскака"⁴⁸. Рассказ о деятельности "численников" у В.Н. Татищева завершается сообщением о том, что они, "вся урядивше" (т.е. приведя в нужный порядок), "возвратишася во Орду"⁴⁹.

Особо нужно отметить, что одна из причин резкого взрыва недовольства городских низов населения Новгорода против "численников" состояла именно в принципе обложения данью по дворам⁵⁰. При таком раскладе ремесленник со своего двора должен был выплачивать столько же, сколько и боярин с обширной усадьбы с многочисленной челядью.

"Численники" на Руси появились лишь через 14 лет после формального установления монгольской власти в 1243 г. Это было связано с проведением серьезного упорядочения налоговой системы, проводившегося кааном Мунке во всех завоеванных землях⁵¹.

Особый интерес представляет тот факт, что "численники", согласно сообщениям летописей, действовали лишь на территории Северо-Восточной Руси. Что же касается юго-западных земель, то здесь их появление летописцами не отмечено, чему может быть только одно объяснение. Как уже упоминалось, в походе на Восточную Европу участвовали 12 Чингизидов, которые действовали сообща вплоть до конца 1240 г. После взятия Киева в декабре 1240 г. армия под командованием хана Бату выполнила все задачи, поставленные перед ней всемонгольским курултаем 1235 г.⁵² Однако Бату не удовлетворился достигнутым и решил продолжать поход дальше на запад. Большая часть принцев во главе с Гуюком и Мунке не согласилась с этим и ушли со своими отрядами в Монголию⁵³. Этот факт отмечен и в Ипатьевской летописи, причем в тексте добавлено, что принцы ушли домой, узнав о смерти

каана Угедея⁵⁴, а Гуюк и Мунке в 1241 г. уже были в Монголии. Дальнейший поход хан Бату проводил практически лишь силами войск собственного улуса без поддержки общеимперских формирований. Создавшаяся ситуация давала ему право собирать дань с русских княжеств западнее Днепра исключительно в свою пользу, без отчисления принятой доли в общеимперскую казну. Именно поэтому "численники" не появились на землях Юго-Западной Руси, а баскаки (в данном случае из местного населения) здесь выступали в качестве улусных золотоордынских чиновников, а не представителей Каракорума⁵⁵.

Те русские княжества, которые были покорены общеимперской монгольской армией, в летописях отнесены к юрисдикции "канови и Батыеве"⁵⁶, что означало двойное политическое подчинение и распределение общей суммы собираемой дани между Каракорумом и Сараем. Земли же, завоеванные только войсками Бату, платили дань исключительно Сараю. Их однозначная зависимость от хана Золотой Орды подтверждается и тем, что ни один князь Юго-Западной Руси не ездил в Каракорум для утверждения инвеституры на свою отчину. Наиболее ярким примером в этом отношении может быть Даниил Галицкий, который в 1250 г. испрашивал ярлык на владение своими землями только у хана Бату⁵⁷. Именно эта поездка заставила летописца произнести самые горькие слова о монгольском иге: "О, злее зла честь татарская!"⁵⁸

Александр Ярославичу эту злую честь пришлось испытать и в Сарае, и Каракоруме, причем, несомненно, он встречал там множество пленных соотечественников, находившихся в самом жалком состоянии. Как отмечалось выше, еще в молодости князь тратил "много золота и серебра" на выкуп русского полона в Орде. Не исключено, что именно поэтому он пришел к выводу о необходимости создать постоянно действующий русский опорный центр в столице Золотой Орды. Идея была воплощена в жизнь: совместно с митрополитом Кириллом была учреждена Сарайская епархия. В летописях не содержится деталей, раскрывающих этапы переговоров об учреждении православного представительства в Сарае. Можно лишь выразить уверенность в том, что при хане Берке, пытавшемся ввести в Золотой Орде ислам, такая договоренность была невозможна без самых энергичных действий Александра Ярославича. В 1261 г. первым предстоятелем Сарайской епархии, пределы которой простирались от Волги до Днепра и от Кавказа до верховьев Дона, стал епископ Митрофан⁵⁹. Угнанные из Руси пленники получили не только мощную духовную опору, но и твердую связь с родиной, что давало какую-то надежду на выкуп и возвращение домой. Несомненно, что подворье сарайского епископа стало своеобразным полномочным представительством Руси в Золотой Орде, деятельность которого выходила далеко за церковные рамки.

Проведенная каракорумскими чиновниками в 1257–1258 гг. перепись населения позволила предварительно исчислять сумму ожидаемой дани с любого отдельно взятого населенного пункта или волости. И это, в свою очередь, открыло широчайшие возможности для фактически неконтролируемых действий откупщиков. Разгул их произвола летописи отметили сразу же после завершения переписи, в самом начале 1260-х гг. Система откупов строилась на том, что богатый ростовщик, купец или феодал предварительно вносил ожидаемую сумму дани с конкретного города или волости в ордынскую казну и получал право сбора денег с населения. При этом произвол откупщиков достигал крайних пределов, что позволяло им возвращать выплаченный в казну аванс с огромными процентами. Творимое откупщиками насилие привело к взрыву возмущения населения сразу нескольких городов – Ростова, Владимира, Суздаля, Переяславля, Ярославля⁶⁰. Стихийно собравшееся вече постановило изгнать откупщиков из городов, и это решение было выполнено доведенными до крайности жителями без участия княжеской администрации. В этом неординарном событии обращает на себя внимание одна немаловажная деталь: откупщики были именно изгнаны, а не убиты. В таком решении можно видеть плоды политики Александра Ярославича, постоянно предостерегавшего от серьезных конфликтов с Ордой, чтобы не спровоцировать организацию карательной экспедиции на Русь. Но вполне вероятно, что возмущенным народом умело руководили представители княжеской администрации. По крайней мере, сам великий князь находился в тот момент во Владимире или Переяславле. Как бы там ни было, к каким бы то ни было серьезным последствиям это событие не привело, что также можно отнести на счет дипломатических шагов, предпринятых великим князем владимирским.

Последняя, четвертая по счету поездка Александра Ярославича в Золотую Орду была связана с одной из самых тяжелых повинностей, из которых складывалась система угнетения русских княжеств. В 1262 г. между Золотой Ордой и Хулагуидским Ираном вспыхнула война. Хан Берке начал обширную мобилизацию и при этом потребовал от великого князя владимирского прислать в действующую армию русские полки. Софийская I летопись по списку

И.Н. Царского сообщает, что для набора рекрутов на Русь прибыл специальный золотоордынский полк с заданием «попленить христиан» и увести в степи «с собою воинствования»⁶¹. Александр и на этот раз поступил неординарно, проявив свои недюжинные политические дарования. Сам он стал готовиться к поездке в Орду, «дабы отмолить люди от бед». Одновременно он послал своего брата Ярослава с сыном Дмитрием и «все полки своя с ними» на осаду города Юрьева⁶². Такой ход позволял формально оправдаться перед ханом занятостью войск на западной границе и сохранить опытный воинский костяк (из похода в далекий Азербайджан могли вернуться лишь единицы). Александр, несомненно, понимал серьезные последствия отказа в присылке русских полков и именно поэтому направился не под стены Юрьева, а в Сарай. Щедрый дары и дипломатическое искусство великого князя владимирского и на этот раз способствовали достижению успеха. Однако зимовка в золотоордынских степях серьезно подорвала здоровье князя и по пути домой он скончался в Городце на Волге 14 ноября 1263 г. В общей сложности Александр Ярославич провел в Орде четыре с лишним года.

Внешнеполитические акции Александра Ярославича, безусловно, отразились на дальнейшем развитии Древнерусского государства. Не зря князь-воитель стал князем-дипломатом. После долгого, изматывающего и кровавого периода междоусобных войн Александр Невский был практически первым правителем, проводившим общерусскую политику на территории северо-западных и северо-восточных княжеств. Она носила стратегический характер и благодаря ей не откололись под натиском с Запада псковские и новгородские земли, как это произошло с Галицко-Волынской Русью.

Точный выбор приоритетов и обоснованность стратегической линии внешней политики Александра Невского в дальнейшем способствовали превращению Северо-Восточной Руси в ядро великорусского национального государства. Особенно отчетливо это видно при сравнении внешнеполитических устремлений Александра Невского и Даниила Галицкого. Поиски Даниилом опоры на Западе привели к фактическому краху Галицко-Волынской Руси, а в XIV–XV вв. – и к захвату ее вместе с киевско-черниговскими землями Польшей и Литвой. В результате между двумя частями Древнерусского государства – юго-западной и северо-восточной – возник четкий рубеж.

История возложила на плечи Александра Ярославича ответственнейшую задачу выбора направления политического развития Русского государства в его отношениях с Западом и с Востоком. И именно Александра можно и должно считать первым русским политиком, заложившим основы совершенно особого пути, который в полной мере начал осмысляться лишь в XX в. и получил наименование евразийства. Далеко неоднозначные внешнеполитические проблемы Александр Невский решал в полном соответствии с той чрезвычайной ситуацией, которая сложилась вокруг Русского государства в 40–60-х гг. XIII в. На откровенные территориальные притязания Запада великий князь ответил на поле брани, сохранив и утвердив целостность русских земель. Вопрос же о притязаниях Золотой Орды, сводившихся в конечном счете к требованию выплаты дани, затрагивавший болезненные внутрисполитические проблемы государства (в первую очередь распределение даннических повинностей), Александр предпочитал решать за столом переговоров. Эта вынужденная и в достаточной степени унижительная для князя-воина позиция выявляет не его конформизм, а трезвый расчет, детальное знание сложившейся ситуации и гибкий дипломатический ум. Несомненно одно: внешняя политика Александра строилась на жестких жизненных реалиях, возникших после монгольского завоевания 1237–1240 гг., с одной стороны, и шведско-немецких ударов 1240–1242 гг. – с другой.

Длительное монгольское нашествие позволило Александру понять и цели, преследуемые Чингизидами в этой войне. Их интересы сводились к откровенному грабежу, захвату пленных и последующему взиманию дани. Что же касается населенных русскими земель, то к ним монголы остались совершенно равнодушны, предпочитая привычные степи, идеально отвечавшие кочевому укладу их хозяйства. В противоположность этому западные феодалы стремились именно к территориальным приобретениям за счет русских владений. Была и еще одна существенная причина, оказывавшая влияние на политику русских князей и лежавшая для современников событий на поверхности. Монголы не просто спокойно относились к русскому православию, но даже поддерживали его, освобождая духовенство от уплаты дани, а мусульманский хан Берке не противодействовал созданию на территории Орды православной Сарайской епархии. Шведская же и немецкая оккупации однозначно несли с собой католическую экспансию.

Таким образом, внешнеполитическая стратегия Александра Невского, носившая общерусский характер, учитывала противоположные направления (Запад и Восток) и объединяла в

единое целое интересы Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Столь всеобъемлющие внешнеполитические задачи после Александра Невского смог поставить и во многом решить только Дмитрий Донской, также действовавший на два фронта – против Литвы и против Золотой Орды.

Примечания

- ¹ См., например, известную научно-популярную книгу В.Т. Пашуто "Александр Невский" (М., 1975). Она содержит множество красочных деталей, свойственных этому жанру. Однако основная канва повествования строго соответствует череде летописных фактов, в изложении которых не допускается никаких отклонений. Естественно, что в рамках популярного издания автор вынужден был отказаться от углубленных научных экскурсов, ограничившись воссозданием общесобытийной картины, на фоне которой рисуется облик князя-воителя, посвятившего свои дела и помыслы Отечеству. Что же касается конкретной темы взаимоотношений князя с Чингизидами, то в книге делается упор на эмоциональный момент – сильное впечатление, которое произвели на Александра поездки в Сарай и Монголию.
- ² Г у м и л е в Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 534.
- ³ К у ч к и н В.А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18–33.
- ⁴ ПСРЛ. Т. 1. Л. 1927. Стб. 470.
- ⁵ Там же. Т. 5. СПб., 1851. С. 186.
- ⁶ Там же. Т. 1. Стб. 470.
- ⁷ Там же. Стб. 471.
- ⁸ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 77.
- ⁹ Там же. С. 78.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Протяженность пути из Монголии до берегов Волги составляет около 7 тыс. км. Карпини проехал это расстояние за три с половиной месяца – с 8 апреля по 22 июля 1246 г. (Путешествия в восточные страны... С. 71–74). При этом он сообщает, что он и его спутники ехали налегке, чрезвычайно быстро, с минимальными привалами и постоянно сменяя лошадей. Точно такой же срок понадобился для преодоления этого пути и Гильому Рубруку в 1253 г. (там же. С. 122, 136). Обозы и караваны это же расстояние проходили примерно за шесть месяцев, продвигаясь за один день примерно на 25–30 км.
- ¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.
- ¹³ Там же. Т. 5. С. 186.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Т. 1. Стб. 471.
- ¹⁶ Там же. Т. 39. М., 1994. С. 86. Это сообщение приведено в Софийской I летописи по списку И.Н. Царского. Рукопись по сравнению с основным текстом Софийской I летописи (ПСРЛ. Т. 5) содержит интересные дополнения и подробности политической истории Руси, использовавшиеся как варианты в публикациях 1851 и 1925 гг. Первое полное издание списка И.Н. Царского вышло под редакцией В.И. Буганова и Б.М. Клосса, которые отметили ценность источника и достоверность его при детализации различных событий.
- ¹⁷ Там же. Т. 7. СПб., 1856. С. 159.
- ¹⁸ Там же. Т. 39. С. 86.
- ¹⁹ Там же. Т. 1. Стб. 471.
- ²⁰ Путешествия в восточные страны... С. 76.
- ²¹ Р а ш и д а д - Д и н. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 117; Ч у л у у н ы Д а л а й. Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983. С. 185.
- ²² Р а ш и д а д - Д и н. Указ. соч. С. 121–122.
- ²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Г а т и щ е в В.Н. История Российская. Т. V. М.; Л., 1965. С. 39.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.
- ²⁸ Путешествия в Восточные страны... С. 47.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485.
- ³⁰ Е г о р о в В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 187–192.

- ³¹ Т а т и щ е в В.Н. Указ. соч. С. 40.
- ³² Сам Святослав Всеволодович, скорее всего, в это время был тяжело болен и никакого участия в описываемых событиях не принимал. Это подтверждается сообщением о его кончине 3 февраля 1253 г. (ПСРЛ. Т. 39. С. 87. В летописи это событие отнесено к 1252 г., поскольку он был мартовским).
- ³³ Т а т и щ е в В.Н. Указ. соч. С. 40.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 39. С. 87. В летописи нет уточняющих деталей, позволяющих точно конкретизировать дату, но слова "Борисов день" позволяют с большой долей уверенности предполагать, что событие относится ко дню памяти первых русских святых Бориса и Глеба, а именно к 24 июля (см.: Х о р о ш е в А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 15.
- ³⁵ Е г о р о в В.Л. Указ. соч. С. 182.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.
- ³⁷ Там же. Т. 39. С. 87.
- ³⁸ Г у м и л е в Л.Н. Указ. соч. С. 534.
- ³⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее: НИЛ). С. 81.
- ⁴⁰ Г у м и л е в Л.Н. Указ. соч. С. 536–537; е г о ж е. От Руси к России. М., 1992. С. 129.
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474.
- ⁴² Т а т и щ е в В.Н. Указ. соч. С. 42.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. 39. С. 88.
- ⁴⁴ Там же. Т. 1. Стб. 474; Т а т и щ е в В.Н. Указ. соч. С. 42–43.
- ⁴⁵ Н а с о н о в А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л. 1940. С. 17.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474–475.
- ⁴⁷ М у н к у е в Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965. С. 34–36.
- ⁴⁸ Н а с о н о в А.Н. Указ. соч. С. 20.
- ⁴⁹ Т а т и щ е в В.Н. Указ. соч. С. 42.
- ⁵⁰ НИЛ. С. 82.
- ⁵¹ Н а с о н о в А.Н. Указ. соч. С. 12–14.
- ⁵² Е г о р о в В.Л. Указ. соч. С. 26–27.
- ⁵³ Р а ш и д а д - Д и н. Указ. соч. С. 43.
- ⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784–785. Такое добавление позволяет говорить о более позднем появлении этой вставки в летописную статью, поскольку Угедей скончался 11 декабря 1241 г.
- ⁵⁵ Там же. Стб. 828–829.
- ⁵⁶ Н а с о н о в А.Н. Указ. соч. С. 10–11.
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 805–808.
- ⁵⁸ Там же. Стб. 807.
- ⁵⁹ Там же. Т. 1. Стб. 476.
- ⁶⁰ Там же. Т. 39. С. 88–89.
- ⁶¹ Там же. С. 89.
- ⁶² Там же.